

Е. В. Солдабокова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

**ПОВЕСТЬ *РЫЖЕВОЛОСАЯ ФРЕДЕРИКА* (1970)
АВСТРИЙСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ
КРИСТИНЕ НЕСТЛИНГЕР В ПЕРЕВОДЕ Д. В. ВИЛЬКЕ**

На произведениях австрийской детской писательницы Кристине Нестлингер выросло не одно поколение детей. Нестлингер является одной из самых упоминаемых австрийских детских писателей в СССР в период с 1979 по 1987 гг. (см. «Детская литература»), что свидетельствует о влиянии творчества писательницы на развитие литературы для детей и подростков. В указанный временной интервал ее произведения неоднократно отмечались престижными национальными и международными премиями, что способствовало формированию устойчивого исследовательского интереса к ее творческому наследию. Примечательно, что в советской литературной критике имя Нестлингер рассматривалось преимущественно в русле антикапиталистической и дидактической парадигмы, тогда как в Австрии ее называли «нарушительницей табу», подчеркивая отказ писательницы от менторской позиции и установку на равноправный диалог с ребенком. Исследователи детской литературы были сосредоточены преимущественно на осмыслении особенностей художественного мира, специфике конфликта и антиавторитарной направленности произведений Нестлингер. Специфике ее языка и переводам ее произведений на русский язык уделялось недостаточно внимания. В постсоветское время ранее переведенные произведения Нестлингер переиздавались, а с 2008 г., когда В. В. Комарова перевела повесть *Само собой и вообще*, замечена тенденция к более активному обращению к творчеству Нестлингер и появление ее ранее непереведенных повестей в русском переводе. Примером этого является выполненный Д. В. Вильке в 2019 г. перевод повести *Рыжеволосая Фредерика*, который и будет рассмотрен в статье. В ходе сопоставительного анализа оригинала и перевода выявлены как стратегии адаптации, так и смысловые потери, приводящие к искажению авторской установки и изменению рецепции произведения. Вильке стремится к прямой актуализации языка и проблематики повести. Перевод успешно решает ключевую задачу — делает героев Нестлингер понятными и близкими русскоязычному читателю в свою культурно-историческую эпоху. Тем не менее обращение к дебютной повести в переводе Вильке знаменует важ-

ный этап в освоении творческого наследия писательницы в России и открывает перспективы для дальнейших исследований ее поэтики в контексте переводной детской литературы.

Ключевые слова: детская литература; австрийская литература; австрийская детская литература; Кристине Нестлингер; перевод; «Рыжеволосая Фредерика»

1. Введение

Кристине Нестлингер (*1936 — †2018) — известная австрийская детская писательница, чье творчество зачастую сравнивают с творчеством Астрид Линдгрен. Нестлингер написала более ста книг для детей и подростков, которые переведены на более чем тридцать языков. Она является лауреатом множества австрийских и международных премий, но не считает полученные премии главным своим достижением.

Мне кажется, детские книги нужно оценивать, прежде всего, по их литературным достоинствам и лишь во вторую очередь по их воспитательной направленности. Книги для детей должны быть остроумными и увлекательными (ВЕЛИКАНОВА 2021).

Первым произведением Нестлингер, с которым познакомился русскоязычный читатель, стала повесть *Долой огуречного короля!* (1976) в переводе П. Френкеля. Именно с этого момента можно начинать говорить о том, что писательница оказалась в поле зрения советского (а потом и российского) читателя. Всего в период СССР было опубликовано семь произведений автора: *Лоллипоп* («Lollipop», 1979, пер. П. Френкеля), *Небывалая игра* («Rüb-rüb-hurra», 1986, пер. П. Френкеля), *Ильза Янда, лет — четырнадцать* («Ilse Janda, 14», 1980, пер. А. Исаевой), *Мыслитель действует* («Der Denker greift ein», 1984, пер. Л. Лунгиной), *Обменный ребенок* («Das Austauschkind», 1986, пер. Э. Ивановой) и *Лети, майский жук!* («Maikäfer, flieg!», 1988, пер. Э. Ивановой). Некоторые переводы выходили с сокращениями (так, например, автобиографическая повесть *Лети, майский жук!* была опубликована лишь частично в журнале «Ашхабад» [Аралова 2012: 35–36]).

В советское время имя Нестлингер часто появлялось в критических статьях в журнале «Детская литература». Этот журнал был рассчитан на взрослых: писателей, научных работников по детской книге, педагогов, библиотекарей, студентов, пионер-

вожатых. В журнале выходили критические, теоретические и научные статьи, посвященные детской литературе. Зачастую тексты писательницы советские исследователи рассматривали с позиции критики капитализма и некой уникальности Нестлингер в мире детской литературы (австрийской, в частности). Ее уникальность, по мнению советской критики, заключалась в юморе, особом изображении детей и родителей (дети и родители — не враги, в ее произведениях нет правых и виноватых), критике капитализма, совмещении фантазии и реализма, а также в удивительной точности изображения ребенка и его внутреннего мира. Советская литературная критика сделала творчество Нестлингер примером зарубежной детской литературы, сосредоточенной на дидактике и воспитании. Не случайно переводчик Френкель в статье *А взгляд писателя всегда серьезен* заметил, что книги Нестлингер подходят для совместного чтения (ФРЕНКЕЛЬ 1984: 44).

В то же время австрийская литературная критика воспринимала (и продолжает воспринимать) писательницу как автора, который заговорил с ребенком на равных. Нестлингер стала своеобразной хулиганкой в детской литературе.

Так, например, авторитетный исследователь детской литературы Э. Зайберт отмечает, что произведения Нестлингер полны «педагогических табу» («pädagogische Tabus») (SEIBERT 2008: 166), а литературовед Х.-Х. Эверс называет Нестлингер «нарушительницей табу» («Tabubrecherin») (EWERS 2003: 12). Она не защищает детей от реалий жизни, не считает, что детская литература является инструментом для воспитания подрастающего поколения. Для Нестлингер важно ободрить ребенка, дать ему надежду: «Ich glaube, daß meine Art zu schreiben, Kindern Mut geben könnte, sich selber ans Formulieren zu machen» («Я верю, что мое искусство письма могло бы дать детям смелость начать выражать себя» [EWERS 2003: 15]); «Literatur für die Kinder hat — neben vielem anderen — auch Mut zu machen...» («Литература для детей, помимо всего прочего, также должна вдохновлять» [ibid.: 15]); «Ein hoffnungsloses Kinderbuch möchte ich nicht schreiben» («Я не хочу писать детскую книгу, в которой нет надежды» [ibid.]). В ее произведениях было место надежде, а не

суровому дидактизму. Сама Нестлингер о своем творчестве говорила так:

У меня есть определенные предположения о том, что хотят прочесть дети, и также о том, что они должны читать. А еще у меня есть острая необходимость высказаться по тому или иному поводу. И твердое убеждение, что детям нравится смеяться, когда они читают. Вот из этих четырех компонентов я обычно и смешиваю свои книжки... (цит. по: [АРАЛОВА 2010: 98]).

В советской литературной критике Нестлингер возникала в основном лишь как пример в ряду перечислений имен других авторов. При этом в Австрии ее почти с самого начала нарекли «новой Астрид Линдгрэн» (FUCHS 2001: 13). М. Дарендорф относит Нестлингер к продуктивным и оригинальным авторам. Он приписывает ей

...eine scharfe Beobachtung der Umwelt und eine bissige Reaktion darauf. Besonders zornig reagiert sie immer, wenn sie sieht, wie man Kindern mitspielt, wie sie immer wieder auslöffeln müssen, was die Erwachsenen ihnen einbrocken. ...внимательное наблюдение за окружающей средой и быстрая реакция на нее. Особенно яростно она реагирует, когда видит, как дети играют вместе, как им приходится снова и снова выкладывать то, что взрослые кладут им в рот (DAHRENDORF 1986: 33).

В 1977 г. Дарендорф (DAHRENDORF 1977: 564) увидел в произведениях Нестлингер новую форму детской литературы, и охарактеризовал эту форму как «emanzipatorische Kinderliteratur» («освободительная детская литература»). Другой характерной чертой ее произведений является реалистическое изображение действительности. Она стала верным другом для ребенка, а не суровым и строгим учителем. И австрийская литературная критика не забывает сделать акцент на том, что Нестлингер пришла к писательству спонтанно, не будучи профессиональным педагогом. Статьи, связанные с творчеством писательницы, полны цитат самой Нестлингер, в которых она не стесняется говорить о своем опыте и своем взгляде на литературу (EWERS 2003: 12):

Auf die Idee, Kinderbücher zu schreiben, bin ich überhaupt nie gekommen. Мне вообще никогда не приходила в голову идея писать детские книги.

Wenn ich kein Geld mit dem Bücherschreiben verdienen würde,

dann würde ich es ganz bleiben lassen. Если бы я не зарабатывала денег на написании книг, я бы оставила это занятие.

Повесть *Рыжеволосая Фредерика* долгое находилась на периферии исследовательского внимания. Нестлингер написала ее в 1970 г., а перевела повесть Д. В. Вильке на русский язык в 2019 г.

Значимость этой повести для изучения творчества Нестлингер обусловлена тем, что *Рыжеволосая Фредерика* не только является самым первым произведением писательницы, но и содержит в себе основные черты образа ребенка в представлении автора. Писали об этом произведении еще в советское время: в журнале «Детская литература» встречаются упоминания *Die feuerrote Friederike*, которое на русский язык перевели как «Огненно-рыжая Фридерике». При этом важно заметить, что это произведение упоминается в номере, посвященном австрийским детским писателям (1979 г., № 10). В этом выпуске есть портретная галерея, австрийских детских авторов, Нестлингер — среди них. Упоминается в выпуске и сама повесть:

Особенно активно Нестлингер ратует за интересы тех, кто обделен судьбой. Она показывает нам «средних» детей, не выдающихся ни в эмоциональном, ни в интеллектуальных отношениях. Напротив, ее героев часто считают некрасивыми или придурковатыми и на этом основании изгоняют из общества — как, например, Фридерике (БИНДЕР 1979: 67).

При этом информации об опубликованном переводе повести на русский язык нет, а это значит, что ее не переводили в СССР.

2. Основные стратегии перевода *Рыжеволосой Фредерики*

При взгляде на перевод повести можно заметить тенденцию к сохранению авторского текста, максимального приближения к оригиналу. И это стремление к близкой передаче замысла Нестлингер характерно для всех переводчиков творчества писательницы на русский язык. Все началось с самого первого текста Нестлингер, переведенного на русский язык Френкелем, — повести *Долой огуречного короля* (1976). Именно с этого момента Нестлингер стала известной русскоязычному читателю. Несмотря на изменения, связанные с манерой речи персонажей (в переводе используется разговорная лексика, которой нет в оригинальном тексте), Френкель стремился к точной передаче комизма ситуа-

ций, а предложенные им изменения не выбиваются из повествования ввиду комичности происходящего в повести.

При сравнении оригинала и перевода *Рыжеволосой Фредерики* становится очевидно, что большая часть изменений, связанных с текстом произведения, заключается в попытке адаптации австрийских реалий и быта к русской культуре. Так, например, переводчик столкнулась с проблемой, связанной с определением локации, в которой происходит место действия. Зачастую читателям сразу становится известно, где живут главные герои, но в *Рыжеволосой Фредерике* нет ни единого момента, когда напрямую бы в тексте говорилось об этом. В самом начале мы встречаемся с фразой: «Жила когда-то в Вене Фредерика — маленькая девочка со странными волосами», при этом в оригинале первое предложение выглядит так: «Es war einmal ein kleines Mädchen» («Однажды была маленькая девочка»). Как видим, никакого упоминания Вены в тексте оригинала нет.

Чтобы понять, почему в переводе возникает название места действия, нам нужно обратиться к комментарию самой переводчицы, который она дала для сайта «Папмамбук»:

Всегда главная сложность в том, что хочется сохранить все, что есть в оригинале. У Нестлингер — потрясающая легкость, дерзость, саркастичность диалогов и какие-то австрийские, точнее венские нюансы, которые очень сложно передавать, переводить на русский. Плюс нужно как-то элегантно выкрутиться с венскими реалиями. Например, в «Рыжеволосой Фредерике» на протяжении всей книжки не понимаешь, где происходит действие, это просто какой-то абстрактный город. И вдруг в считалочке оказывается, что это Вена — там упоминаются районы Оттакринг и Веринг. Русский читатель, который ни разу не был в Вене или здесь не жил, не представляет, какие в городе есть районы и как они называются. Чтобы все это передать, нужны неожиданные решения (АНДРЕЕВА 2024).

В данном случае мы видим, что точное обозначение места действия в перевод было добавлено для того, чтобы упростить понимание текста для читателя. Так как это произведение для детей (с возрастным рейтингом 0+ на современных русскоязычных Интернет-площадках), сноски, вероятно, будут попросту неуместны, поскольку детские книги зачастую родители читают

детям вслух. Именно поэтому Вильке решила прямо обозначить место действия.

В комментарии переводчицы упоминаются районы Вены Оттакринг и Веринг, и в тексте эти названия также были сохранены. В повести есть заклинание, благодаря которому волосы главной героини могли вспыхнуть («Рыжий-рыжий, тинг-тинг, пожар в районе Оттакринг»), и есть заклинание, благодаря которому волосы погаснут («Где-то в Веринге пожар, задунайский ты комар»). В переводе есть ритм, благодаря чему это заклинание звучит просто и также просто запоминается, подобно считалочке. Но в оригинале заклинание выглядит совершенно иначе: «Wenn wir murmeln: «rotarotaginginging feiabrenntinot-takring», dann fangen unsere Haare zu glühen an. Murmeln wir «feiabrenntinwahring, bistagselchtaharing» hören sie wieder zu glühen auf». Оно не похоже на считалочку, скорее на соединение слов — прием, который и дальше будет фигурировать в повести.

В переводе Вильке зачастую опущены некоторые фразы, которые передают устную речь героев. В оригинале в моменте, когда дети дергают Фредерику за волосы, мы встречаем следующее: «Das gilt nicht! Das gilt nicht! Bäähhh! Bääääääääääääh h h h h h h h h h!». Немецкоязычный читатель видит воспроизведение устной речи, в данном случае криков детей. В русском же переводе в тексте реплика детей опущена.

В переводе выпускаются определенные детали, которые влияют на восприятие текста. Когда дети засунули Фредерику в сумку, чтобы отнести ее к реке и бросить в воду, в оригинале упоминается, что эту ситуацию видели и взрослые, которые восприняли происходящее как игру, а один мужчина, говоря о волосах Фредерики, сказал, что это парик, а не настоящие волосы девочки. На помощь Фредерике никто не пришел. В русском переводе юный читатель даже не узнает, что происходит, видели взрослые. Это может повлиять на восприятие текста, так как немецкоязычный ребенок может задать себе вопрос: «Почему же взрослые не помогли Фредерике? Почему они проигнорировали ситуацию?», а у юного русскоязычного читателя такого вопроса даже не возникнет. А ведь в центре сюжета повести находится ситуация травли и попытки ребенка защитить себя

от обидчиков. Нестлингер правдоподобно изображает печальную, но знакомую многим ситуацию, когда дети нуждаются в помощи, а взрослые попросту не понимают, что происходит у них перед глазами, из-за чего ребенок часто остается один на один со своей проблемой. Более того, взрослые в оригинале говорят, что эти дети «*liebe*» («милые»), а мужчина задевает ту самую болезненную точку главной героини, говоря о ее волосах. Перед нами ситуация, когда ребенок и его беда остаются незамеченными взрослыми, более того, взрослые становятся если не соучастниками коллективной травли Фредерики, то прямыми свидетелями точно. Тем не менее, Фредерике приходится использовать заклинание, чтобы ее волосы вспыхнули, из-за чего дети начинают лишь бояться Фредерику, что приводит к усилению травли. Перед нами ситуация, когда ребенок в попытке самостоятельно разрешить конфликт своим неудачным действием лишь усугубляет ситуацию. А в русском переводе и эта деталь опущена. В оригинале попытка детей кинуть Фредерику в реку воспринимается как игра:

Die Leute die vorübergingen, hielten das für ein schönes Spiel. Sie lachten. Eine Frau sagte: „Das sind liebe Kinder!“ Ein Mann sagte: „Welch schöne Perücke das eine Kind auf dem Kopf hat. Eine sehr schöne rote Perücke!“ Люди, которые проходили мимо, думали, что это хорошая игра. Они смеялись. Одна женщина сказала: «Это милые дети!». Один мужчина сказал: «Какой красивый парик у одного ребенка на голове. Очень красивый рыжий парик!»

Благодаря этому эпизоду становится понятно, что повесть ранее не переводили в том числе из-за демонстрации жестокости детей и равнодушия взрослых. Как было сказано выше, в основном советская критика рассматривала творчество Нестлингер с позиции антиавторитарной литературы, а *Рыжеволосая Фредерика* затрагивает тему детской травли, что могло не соответствовать установкам советской детской литературы, которую можно было бы считать подходящей для юного читателя.

Еще одним незначительным изменением, присутствующим в переводе, оказывается пол кота. В оригинале Фредерика оказывается на попечении тети и *frau Katze*, в то время как в переводе в доме живет говорящий кот. Однако, по сути, это изменение ни

на что не влияет и не искажает понимание произведения.

В переводе верно передается особенность красной книги, которую Фредерика находит дома и встречается в ней непонятные слова, что тем не менее не помешало ей выучить два предложения из нее. В обоих текстах перед читателем единый принцип загадки и словесная игра: пробелы между буквами не соответствуют написанию слов. Если правильно расставить пробелы, то перед нами окажутся понятные предложения. «Ke iner wir da usge lac ht» («та мник тонина джемн ес меется»). «Were inma lü berd Emk ircht Ur mistd, erk ommtsi chera n» («ес липе ре лет етъц ерк овьто то чнот удапо падешь»).

Таким образом, при сравнении оригинала и перевода становится понятно, что Вильке старалась сохранять неизменным авторский текст, верно передавать реалии быта и локации. Лишь при невозможности полностью передать замысел Нестлингер (например, отсутствие точного наименования локаций с сохранением заклинания-считалочки) переводчик прибегала к адаптации.

Перевод *Рыжеволосой Фредерики*, выполненный Вильке, является важным возвращением к истокам творчества Нестлингер. Как уже было сказано выше, эта повесть является первым произведением писательницы. Дебютная книга, по словам самой Нестлингер, была начата спонтанно, под девизом «ein Kinderbuch muß in jedem Erwachsenen mit ungetrübtem Erinnerungsvermögen drinstecken» («Детская книга должна быть у каждого взрослого с незапятнанной памятью» [EWERS 2003: 319]). После успеха *Рыжеволосой Фредерики* Нестлингер начинает активно писать, причем жанры ее произведений весьма разнообразны: от детской литературы до кулинарных книг.

3. Выводы

Сопоставительный анализ оригинала повести Нестлингер *Die feuerrote Friederike* и ее перевода на русский язык, выполненного Вильке (2019), позволяет сделать выводы относительно переводческих стратегий, применяемых при адаптации первого произведения австрийской писательницы для русскоязычной аудитории.

Как было показано выше, ключевой проблемой для переводчика стало отсутствие эксплицитного указания на место дей-

ствия в оригинальном тексте, при этом наличие скрытых топонимических маркеров (районы Оттакринг и Веринг) потребовало принятия нестандартного решения. Вильке ввела прямое упоминание Вены уже в первом предложении, что, с одной стороны, облегчает восприятие текста юным читателем и родителем, читающим вслух, а с другой — представляет собой сознательное отклонение от оригинала в пользу адаптации. Этот случай иллюстрирует приоритет смысловой части над формальной точностью.

Вместе с тем в переводе обнаружены отдельные опущения, влияющие на смысловую глубину произведения. Наиболее значимым представляется исключение эпизода, в котором взрослые наблюдают за травлей Фредерики, но не вмешиваются, воспринимая происходящее как игру и комментируя волосы девочки как парик. В оригинале эта деталь реализует одну из ключевых тем Нестлингер — равнодушие взрослого мира и вынужденную самоизоляцию ребенка перед лицом агрессии. Ее отсутствие в переводе нивелирует подтекст, адресованный читателю. Другие изменения (опущение междометных криков детей, замена пола кота) носят менее существенный характер и не искажают общего замысла. При этом принципиально важный элемент — загадка красной книги с неверной расстановкой пробелов — передан с полным сохранением структуры, что свидетельствует о внимании переводчика к игровой природе авторского стиля.

Сопоставление перевода Вильке с более ранними русскоязычными переводами произведений Нестлингер (Френкель) обнаруживает общую тенденцию: адаптация реалий и речевых моделей при стремлении сохранить авторский замысел. Перевод *Рыжеволосой Фредерики* успешно решает задачу доступности и актуальности для современного русскоязычного ребенка, но при этом частично утрачивает те смысловые слои, которые делают Нестлингер «нарушительницей табу» в глазах австрийской критики. Дальнейшие исследования могли бы быть направлены на сравнительный анализ других переводов произведений Нестлингер 2010—2020-х гг., а также на рецепцию этих переводов целевой аудиторией.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Андреева П. Эта блестящая дерзкая Нестлингер! [Электронный ресурс] // Папмамбук. 2024. [Andreeva, Polina. (2024) *Eta blestyashchaya derzkaya Nyostlinger!* (This brilliant daring Nöstlinger!). *Папмамбук*. (In Russian)].
- Аралова Е. Б. Русские переводы книг Кристине Нестлингер с 1976 по 2008 год: три периода издания Нестлингер в России // Зарубежная детская литература. Вып. 6. СПб.: РГПУ, 2012. С. 35—40. [Aralova, Ekaterina B. (2012) *Russkiye perevody knig Kristine Nyostlinger s 1976 po 2008 god: tri perioda izdaniya Nyostlinger v Rossii* (Russian translations of Christine Nöstlinger's books from 1976 to 2008: three periods of Nöstlinger's publication in Russia). In: *Zarubezhnaya detskaya literatura* (Foreign Children's Literature), 6. Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University, 35—40. (In Russian)].
- Аралова Е. Б. Само собой, легко читается, и вообще — мудрый автор // Вестник детской литературы. 2010. № 1. С. 98—102. [Aralova, Ekaterina B. (2010) *Samo soboy, legko chitayetsya, i voobshche — mudryy avtor* (It goes without saying, it reads easily, and overall — a wise author). *Vestnik detskoy literatury* (Bulletin of Children's Literature), 1, 98—102. (In Russian)].
- Биндер Л. Кристине Нестлингер // Детская литература. 1979. № 10. С. 66—68. [Binder, L. (1979) *Kristine Nyostlinger* (Christine Nöstlinger). *Detskaya literatura* (Children's Literature), 10, 66—68. (In Russian)].
- Великанова Ю. А. «Мне всегда было важно не врать детям.» 85 лет со дня рождения Кристине Нестлингер [Электронный ресурс] // Pechorin.net. 2021. [Velikanova, Yulia A. (2021) *“Mne vseгда bylo vazhno ne vrat' detyam.” 85 let so dnya rozhdeniya Kristine Nyostlinger* (“It was always important for me not to lie to children.” 85 years since the birth of Christine Nöstlinger). Retrieved from Pechorin.net. (In Russian)].
- Френкель П. Л. А взгляд писателя всегда серьезен // Детская литература. 1984. № 8. С. 40—45. [Frenkel, Pavel L. (1984) *A vzglyad pisatelya vseгда seryozen* (But the writer's gaze is always serious). *Detskaya literatura* (Children's Literature), 8, 40—45. (In Russian)].
- Ewers, Hans-Heino. (2003) Von der Weltveränderung zum Handel mit Trostpflastern, Christine Nöstlingers kinderliterarische Positionen im Wandel. ...weil die Kinder nicht ernst genommen werden. In: *Kinder- und Jugendliteraturforschung in Österreich*. Bd 4. Wien: Edition Praesens, 127—273.
- Fuchs, Sabine. (2001) *Christine Nöstlinger. Eine Werkmonographie*. Wien.
- Dahrendorf, Malte. (1986) Für Christine Nöstlinger zum 50. Geburtstag.

- Nebst Betrachtung einiger ihrer letzten Bücher. *Eselsohr*.
Dahrendorf, Malte. (1977) *Kinder- und Jugendliteratur im bürgerlichen Zeitalter*. Weinheim: Beltz.
Fuchs, Sabine & Seibert, Ernst. (2003) *...weil die Kinder nicht ernst genommen werden. Kinder- und Jugendliteraturforschung in Österreich*. Bd 4. Wien: Edition Praesens.
Seibert, Ernst. (2008) *Themen, Stoffe und Motive in der Literatur für Kinder und Jugendliche*. Wien: Facultas. WUV.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Нестлингер К.* Долой огуречного короля. М.: Детская литература, 1976. [Nöstlinger, Christine. (1976) *Doloy ogurechnogo korolya* (Down with the Cucumber King). Moscow: Detskaya Literatura. (In Russian)].
Нестлингер К. Пес спешит на помощь. М.: Махаон, 2013. [Nöstlinger, Christine. (2013) *Pes speshit na pomoshch'* (The Dog Rushing to the Rescue). Moscow: Makhaon. (In Russian)].
Нестлингер К. Рыжеволосая Фредерика. М.: РОСМЭН, 2019. [Nöstlinger, Christine. (2019) *Ryzhevolosaya Frederika* (Red-Haired Frederica). Moscow: ROSMEN. (In Russian)].
Nöstlinger, Christine. (1977) *Wir pfeifen auf den Gurkenkönig*. Rowohlt Taschenbuch Verlag.
Nöstlinger, Christine. (1995) *Die feuerrote Friederike*. Deutscher Taschenbuch Verlag.
Nöstlinger, Christine. (1998) *Der Hund kommt!* Beltz & Gelberg.

Yekaterina V. Soldabokova

National Research University Higher School of Economics

**The Novel *Fiery Frederica* (1970) by Austrian Writer
Christine Nöstlinger, Translated by D. V. Vilke**

More than one generation of children grow up on the works of Austrian children's writer Christine Nöstlinger. Nöstlinger was one of the most frequently mentioned Austrian children's writers in the USSR between 1979 and 1987 (the journal "Children's Literature"), demonstrating the influence of her work on the development of children's and adolescent literature. During this time, her works were repeatedly recognized with prestigious national and international awards, which contributed to the development of enduring scholarly interest in her creative legacy. It is noteworthy that in Soviet literary criticism, Nöstlinger's name was viewed primarily within the

framework of an anti-capitalist and didactic paradigm, whereas in Austria she was called a “taboo breaker”, emphasizing her rejection of a mentoring stance and her focus on equal dialogue with children. Children’s literature scholars have focused primarily on understanding the artistic world, the specifics of conflict, and the anti-authoritarian thrust of Nöstlinger’s works. The specifics of Nöstlinger’s language and translations of her works into Russian have received insufficient attention. In the post-Soviet era, previously translated works by Nöstlinger have been republished, and since 2008, when V. V. Komarova translated the story *Sowieso und überhaupt* (“Anyway And At All”), a trend has been noted toward more active engagement with Nöstlinger’s work and the appearance of her untranslated stories in Russian. An example of this is D. V. Vilke’s 2019 translation of the story *Fiery Frederica*, which will be discussed in this article. A comparative analysis of the original and translation revealed both adaptation strategies and semantic losses, leading to a distortion of the author’s intentions and a change in the reception of the work. Vilke strives to directly update the language and the subject matter. The translation successfully achieves a key goal: making Nöstlinger’s characters relatable and relatable to Russian-speaking readers in their cultural and historical era. Nevertheless, the return to Nöstlinger’s debut novel marks an important stage in the development of the writer’s creative legacy in Russia and opens up prospects for further research into her poetics in the context of translated children’s literature.

Keywords: Children’s literature; Austrian literature; Austrian children’s literature; Christine Nöstlinger; translation; “Fiery Frederica”

Для цитирования:

Солдабокова Е. В. Повесть *Рыжеволосая Фредерика* (1970) австрийской писательницы Кристине Нестлингер в переводе Д. В. Вильке // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 376—388.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-376-388.

To cite this Article:

Soldabokova, Yekaterina V. (2026) Povest’ *Ryzhevoolosaya Frederika* (1970) avstriyskoy pisatel’nitsy Kristine Nestlinger v perevode D. V. Vil’ke (The Novel *Fiery Frederica* (1970) by Austrian Writer Christine Nöstlinger, Translated by D. V. Vilke). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 376—388. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-376-388.

Статья поступила в редакцию 06.04.2026; принята к публикации 07.05.2026
The article was submitted 06.04.2026; accepted for publication 07.05.2026